

УДК 930.2

КУРБАНОВ МАГОМЕДЗАГИР ЮСУПОВИЧ

к.и.н., старший научный сотрудник ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН,
e-mail: kurbanov57@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИЙ ДАРГИНЦЕВ ЗА ПРЕДЕЛЫ ДАГЕСТАНА (СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ И КАЛМЫКИЯ)

Аннотация. *Целью работы* является исследование социально-экономических проблем миграции на примере трудовой миграции даргинцев в Ставропольский край и Калмыкию с середины XX в. до сегодняшнего дня. В настоящее время в указанных регионах даргинцы занимают 3-е по численности место. **Методы исследования.** В ходе исследования нами были применены системный подход, методы обобщения, логического и сравнительного анализа. Были использованы историко-этнографические материалы, собранные в Ставропольском крае и Республике Калмыкия, позволяющие выработать концептуальные подходы к изучению социально-экономических проблем миграций населения (в частности, даргинцев). **Результаты.** Выяснено, что объективные и субъективные факторы миграционной активности даргинцев привели к существенным изменениям этнической карты Ставрополя и Калмыкии. Исследования показывают, что трудовая миграция даргинцев вызвала и опосредованные негативные правовые последствия: в настоящее время разбираются животноводческие точки; их население вынуждено вновь мигрировать; в отличие от представителей других конфессий, дагестанцы не объединены в рамках какой-либо религиозной общины (духовного управления мусульман) и т.д. Исследование демонстрирует, что в основе этого противостояния или конфликтов лежат социально-экономические и политические факторы. Речь идет о специфических территориальных приобретениях и территориальных потерях. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы при прогнозировании, анализе и предотвращении социально-экономических, политических и религиозных конфликтов, могут быть полезны в работе региональных органов управления для разработки и реализации программ сохранения межконфессионального и межэтнического согласия людей за пределами ареалов традиционного расселения. **Выводы.** Нами сделан вывод о необходимости особого подхода к управлению экономической и политической устойчивостью регионального хозяйства. Миграция даргинцев в Ставропольский край и Республику Калмыкию имела позитивный эффект: ставропольское и калмыкское овцеводство было поддержано трудовой миграцией чабанов-даргинцев, что позволило сохранить определенную часть сельских поселений.

Ключевые слова: трудовая миграция, даргинцы, овцеводство, Ставропольский край, Калмыкия, «лица кавказской национальности».

KURBANOV MAGOMEDZAGIR YUSUPOVICH

Ph. D., senior researcher, FSB "Institute of history, archeology and Ethnography"
of the Dagestan scientific center of RAS,
e-mail: kurbanov57@yandex.ru

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS DARGINS MIGRATIONS OUTSIDE DAGESTAN (STAVROPOL TERRITORY AND KALMYKIA)

Abstract. *The aim* of the work is to study the socio-economic problems of migration on the example of labor migration of Dargins in the Stavropol territory and Kalmykia from the middle of the XX century to the present day. Currently, in these regions Dargins occupy the 3rd largest place. **Method of research.** In the course of the study, we applied a systematic approach, methods of generalization, logical and comparative analysis. Historical and ethnographic materials col-

lected in the Stavropol territory and the Republic of Kalmykia were used to develop conceptual approaches to the study of socio-economic problems of population migrations (in particular, Dargins). **Results.** It was found that objective and subjective factors of migration activity of Dargins led to significant changes in the ethnic map of Stavropol and Kalmykia. Studies show that labor migration of Dargins caused indirect negative legal consequences: currently, livestock breeding points are being investigated; their population is forced to migrate again; unlike representatives of other faiths, Dagestanis are not United within any religious community (spiritual administration of Muslims), etc. the Study shows that socio-economic and political factors are at the heart of this confrontation or conflicts. We are talking about specific territorial gains and territorial losses. **The scope of the results.** The results of the study can be used in forecasting, analysis and prevention of socio-economic, political and religious conflicts, can be useful in the work of regional authorities for the development and implementation of programs for the preservation of inter-confessional and inter-ethnic harmony of people outside the areas of traditional settlement. **Summary.** We conclude that a special approach is needed to manage the economic and political stability of the regional economy. Migration of Dargins to Stavropol Krai and the Republic of Kalmykia had a positive effect: Stavropol and Kalmyk sheep breeding was supported by labor migration of Dargins shepherds, which allowed to preserve a certain part of rural settlements. **Keywords:** labor migration, Dargins, sheep breeding, Stavropol territory, Kalmykia, "persons of Caucasian nationality".

В настоящее время изучение миграционных проблем является одним из актуальных направлений этнографической науки. Миграция и переселение людей за пределы ареалов традиционного расселения играют важную роль в возникновении ряда глобальных, экономических, территориальных и особенно политических проблем. Основная исследовательская задача заключается в анализе этих проблем, возникших не столько фактом появления заинтересованных в разрастании межэтнического конфликта сил, сколько ментальными особенностями контактирующих этносов.

В настоящем исследовании ставится сама проблема миграции даргинцев за пределы Дагестана. До сих пор она не поднималась дагестанскими учеными. Исследование охватило даргинцев-мигрантов, проживающих в настоящее время в Азгирском, Буденовском, Георгиевском, Нефтекумском, Туркменском районах Ставропольского края и Артезианском, Ики-Бурульском районах Республики Калмыкии (2017 г.)

В начале 50-х годов XX в. во время официального визита первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева в Австралию он был ознакомлен с достижениями страны в области сельского хозяйства. Особенно поразили советского лидера результаты тонкорунного овцеводства. Желая повторить положительный опыт этой отрасли в СССР, Н. Хрущев издал приказ «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и «Кизлярские пастбища». Согласно документу, отгонные пастбища площадью 61,4 тыс. га Ставропольского края были переданы 24 колхозам Дагестана «с устранением чересполосицы и закреплены за каждым колхозом навечно» [12]. Это Постановление стало отправной точкой для трудовой миграции даргинцев из Дагестана в Ставропольский край.

Ставропольский край не располагал достаточными сельскохозяйственными кадрами для выполнения поставленной государством задачи. Местные жители не хотели идти в чабаны, труд на кошарах был тяжелым и малопродуктивным. Было решено обратиться за помощью в Дагестан, где животноводство занимало приоритетное место в сельском хозяйстве и имелись необходимые трудовые ресурсы. Комиссии из Ставрополя, приезжавшие в Дагестан, обещали высокие заработные платы и наделение дагестанских чабанов собственным жильем.

В условиях ограниченности в Дагестане свободных земель для ведения хозяйства многие потомственные овцеводы из Дагестана приняли приглашение. Началась активная миграция в Ставрополье дагестанских чабанов преимущественно из даргинских районов (Акушинского, Дахадаевского и Левашинского). В.С. Белозоров датирует «истинное начало этой мирной «микрорасширения» концом 1960-х – началом 1970-х гг.» [2, с. 251].

Условия, в которых оказались дагестанские чабаны, были тяжелыми: жить приходилось в кошарах, в степи. Знойное лето, комары и постоянный уход за скотиной делал труд чабанов

невероятно трудным.

Детское население было организовано в специальных интернатах для отгонщиков. Возможность побыть с семьей у детей была только в выходные дни. Помогающие родителям дети в напряженное время окота скотины не посещали занятия.

От возвращения в Дагестан мигрантов удерживало трудолюбие и желание переломить временную сложную ситуацию. Переезд виделся им сложным и крайне нежелательным решением бытовых трудностей.

Усердным трудом и упорством в преодолении трудностей дагестанских животноводов овцеводство Ставрополя и Калмыкии стало важнейшей отраслью сельского хозяйства региона. Достаточно сказать, что «до 60% поступлений в бюджет края в свое время обеспечивал труд дагестанцев» [7].

Экономическая миграция даргинских животноводов в Ставропольский край и в Калмыкию длится 65 лет. Крупнейшая даргинская община за пределами Дагестана представлена в Ставропольском крае. В 1959 г. в крае было зарегистрировано 748 даргинцев, в 2002 г. – более 40 тыс. чел., в 2010 г. – 49,3 тыс. чел. Согласно последним статистическим данным, в настоящий период даргинское население является третьим по численности.

Наибольшее количество даргинского населения после Дагестана локализуется в Ставрополе. Основными районами, где поселились даргинцы, являются: Арзгирский, Левокумский, Туркменский.

По словам Я.Б. Аджиева, в 1980-е дагестанские колхозы смогли добиться передачи им в аренду пастбищ Нефтекумского района Ставрополя [1, с. 62–63]. Это позволило укрепить позиции дагестанских животноводов в регионе. В то же время факт переселения даргинцев-животноводов в Ставропольский край, Волгоградскую область и Калмыкию привел к положительным результатам для экономики этих регионов. Сложная и трудоемкая работа была непривлекательной для местного населения, и подключение к отрасли чабанов-даргинцев фактически спасло ее [8, с. 435].

Сейчас даргинские чабаны покупают дома на окраине села. Так, все отгонные пастбища аштынцев, дуакарцев, уркарахцев, урагинцев, кишинцев Дахадаевского района находятся в Бакресе Нефтекумского района. Стада даргинских животноводов в разы больше, чем у местного населения.

Возвращение многих животноводов-даргинцев в Дагестан в связи с ухудшением в Ставрополе отношения к представителям этого этноса оказало прямое негативное влияние на состояние отрасли. «Моральные и миграционные потери даргинцев в связи с ограничением их трудовой активности в овцеводстве (непрестижной среди других этнических групп отрасли хозяйства) несоизмеримы с экономическими издержками, которые несет Ставропольский край» [8, с. 436]. При обращении дагестанцев к местным властям Ставрополя они испытывают нетолерантное, зачастую продиктованное националистическими убеждениями, отношение. Как отмечают животноводы, в каждом выходе из Дагестана видят потенциального террориста, а чабаны и кошары для властей – это неконтролируемая субстанция, априори недостойная доверия. М. Бойд подчеркивала, что подобные ситуации обусловлены исторически сформированными социальными, политическими и экономическими структурами, а также всеми этими факторами в совокупности [4, с. 642].

Подобные ситуации исследователи миграции и диаспор называют «возвратной миграцией», зачастую вызываемой проявлениями расизма и дискриминации [10].

Ограничения животноводов-даргинцев в развитии овцеводства приводят к смене ими профессиональной деятельности. Многие переходят на разведение и продажу бахчевых культур, лука (что раньше для них было нехарактерно), организуют строительные фирмы, хладокомбинаты, рынки, оптовые базы, заправочные станции, занимаются розничной торговлей. Как отмечают животноводы, в настоящее время их пребывание в Ставрополе перестает быть комфортным как в экономическом, так в социальном отношении. Одним из факторов, обуславливающих межэтническую напряженность среди дагестанцев и русских на Ставрополе, является усиление националистических тенденций, подогреваемое экстремистскими объединениями типа Русского национального единства (РНЕ). Местному русскому населению навязывается суждение о несправедливых привилегиях в указанных сферах приложения труда у «других

наций и народностей» и ущемлении прав «своей нации», что неизбежно ведет к противопоставлению «мы–они». В общественном мнении фиксируется также выражения «дагестанизация» и даже «даргинизация». Особенно ярко эти процессы происходят на северо-востоке Ставропольского края.

Большие семьи и, как следствие, увеличение доли среди населения мигрантов из Дагестана воспринимается местным населением как угроза. В русских семьях нормой является 1–2 ребенка, 3–6 внуков, в дагестанских – семейная пара считает нормальным заводить 5–6 детей. У кавалера ордена Трудовой славы Сулеймана Муртазалиева 44 внука.

Русское и даргинское население отличается и в материальной обеспеченности: в русских семьях количество скота колеблется от 5–10 голов овец и 1–2 коров, в стадах даргинских пастухов более 800 голов овец и 30–40 коров [9, с. 265–266]. Однако и работы в более обширном хозяйстве больше.

Объективно обвинения представителей Дагестана в стремлении монополизировать рынок или перехватить политическую инициативу в крае беспочвенны.

Проведенный мониторинг указанных выше районов плотного проживания мигрантов из Дагестана показал, что межэтническая напряженность провоцируется местными властями, которые проводят целенаправленную националистическую политику. Происходит закрепление образа «чужого» в лице дагестанцев. Нередко представителями властных структур допускаются нарушения законодательства РФ, например, при съеме с регистрации жителей овцеводческих кошар. Сегодня массово разбираются животноводческие точки, выселяются проживающие там люди (в т. ч. и несовершеннолетние дети, чьи конституционные права при этом грубо нарушаются).

Несмотря на большую долю дагестанского мусульманского населения, в Ставрополе нет действующей мечети, функционируют только молельные дома. Здание мечети, построенное в 60-е годы XX в., было отведено под музей. Нежелание властей создавать комфортные условия для проживания дагестанского населения очевидно.

Возможно, наличие в регионе такой искусственной проблемы, на решение или обсуждение которой можно время от времени привлекать общественное мнение, весьма удобно для ставропольских властей. Переведя «стрелки» на проблему мигрантов-дагестанцев, власть отвлекает общественное внимание от своих ошибок в управлении экономикой столь важного региона.

Наше предположение подтверждается материалами интервью с местным дагестанским населением. Чабан Магомедов Сулейман из Нефтекумского района (уроженец с. Кассагу Акушинского района) тщетно пытался решить проблему жилья. Предоставляя свои жалобы в одно ведомство, он направляется в другое, третье. Везде ему отвечают отписками, и проблема не решается. Несмотря на наличие на руках заявителей всех необходимых документов для рассмотрения и решения проблемы, их претензии не удовлетворяются даже в судебных инстанциях. Случай Магомедова С. не единичный и демонстрирует сложившуюся тенденцию.

Влияние национальности на рассмотрение заявлений проявляется и в других сферах. «Рядом с населенным пунктом Алексеевка есть такая же точка, как и наша, но живут там одни русские, – объясняет Мурад Халилов. – Условия в их домах намного хуже, чем в наших, но никто не предъявляет к ним никаких претензий» [13]. Дома русских не признаются непригодными к проживанию и не определяются подлежащими к сносу. С каждым годом усиливаются споры вокруг земель отгонного животноводства, закрепленных за Дагестаном. «Два года назад, – рассказывает брат Магомедова Сулеймана Ибрагим, – более 20 тысяч га пастбищ в Нефтекумском районе оказались переданными в аренду юридическим и физическим лицам, хотя земляки имели приоритетное право на эти земли. Ставропольские полицейские провоцируют нас на противозаконные действия, нередко они нас беспричинно избивают. Такой же инцидент имел место в Буденновске и других населенных пунктах» [14].

Недальновидная националистическая политика местных властей приводит к разрушению экономики края. «Недавно в Москву и Ставрополь от рабочих хозяйства «Красный Маныч» Туркменского района ушло коллективное письмо, которое, кстати, подписали и дагестанцы, и русские, – сообщает председатель дагестанского культурного центра Туркменского района Биалал Курбанов. – В письме отмечается, что нынешний руководитель хозяйства Григорий Грищенко умудрился уничтожить мощнейшую оросительную систему, из-за его недальновид-

ных действий не была создана достаточная кормовая база, поэтому только за один год пали 230 коров, 2700 овец» [15].

Дагестанское население испытывает давление местных властей. Предполагается, что действия эти направлены на вытеснение из региона мигрантов и предоставление освободившихся ресурсов местному русскому населению. В частности, дагестанцам отказывают в участии в федеральных программах по развитию животноводства.

В подобной ситуации были и чеченские переселенцы. Обратившись к руководству Чечни, они добились приезда Рамзана Кадырова, который на официальном уровне защитил интересы чеченцев в Ставропольском крае. Дагестанское же население сетует на равнодушие к их проблемам руководства Республики Дагестан и чувствует себя ущемленным как чужими, так и своими властями [16]. Видимо, проводимые в течение последних 5 лет мероприятия Представительства РД в Ставропольском крае во главе А.М. Омаровым, направленные на улучшение социальных условий дагестанских животноводов, проект «Молодежь» под руководством доктора наук, профессора И.С. Исмаилова, недостаточны.

Важно отметить, что среди дагестанцев на Ставрополье немало заслуженных людей, которые на деле показали пример доблестного служения Родине. Добрую память о себе оставили Герой Социалистического Труда Али Юнусович Юнусов из села Карлабко Левашинского района, первый председатель Совета старейшин Мухтар Лукманович Рамазанов из села Хуна Лакского района, ныне здравствующие кавалер трех орденов Трудовой Славы Сулейман Муртузалиев из села Мекеги Левашинского района, депутат Государственной Думы РФ Д.Н. Гасанов из села Джангамахи Левашинского района, председатель Совета старейшин, доктор сельскохозяйственных наук, профессор И.С. Исмаилов и многие другие [17].

Даргинцы занимают в Калмыкии третье место по численности населения (7,6 тыс. чел., что составляет 2,5%). Первое упоминание их как составной части населения Калмыкии приводится в сводках переписи населения СССР за 1959 г. Они включены в графу «Народы Дагестана», в которой из 1479 человек 608 отмечены как даргинцы [6, с. 36]. Больше всего даргинцев, согласно этой переписи, проживало в пос. Ики-Бурульское. По последним статистическим данным, даргинцев в Ики-Бурульское в 2010 г. – 1727 чел., что составляет 15,1% от всего населения района [11, с. 4–6]. Возможно, что численность даргинского населения в Калмыкии больше, чем указанная в официальной статистике. По некоторым мнениям, даргинское население насчитывает в крае не менее 40 тыс. чел. [22, с. 33].

Начало активного взаимодействия Дагестана и Калмыкии связывают с процессами восстановления края после возвращения калмыцкого населения из мест депортации. В 1960–70 х гг. Республика Калмыкия испытывала нехватку в трудовых ресурсах. В Калмыкию, так же как и на Ставрополье, начался приток животноводов из Дагестана, преимущественно даргинцев. Они поселялись семейными группами в небольших населенных пунктах. Примечательно, что первым Героем Социалистического Труда в Калмыкии был дагестанский чабан Ханбаба Мирземетов [20, с. 4]. Как отмечалось в республиканской печати, Х.Н. Мирземетов «является символом дружбы народов Калмыкии и Дагестана».

В период успешной государственной экономики в советский период проблем между Калмыкией и Дагестаном не возникало. В 1990-е годы проявились первые разногласия, вызванные проблемами опустынивания пастбищ и условиями аренды [21]. С целью решения этой проблемы между правительствами Дагестана и Калмыкии было подписано соглашение по использованию на правах аренды отгонных пастбищ площадью 101222 га.

В начале 2008 г. «Российская газета» сообщила: «...Сейчас перед Минсельхозом Калмыкии стоит задача инвентаризации своих пастбищ и оценки животноводческой нагрузки на земли. Если поголовье скота будет превышать допустимые пределы, то с арендаторов будут взиматься повышенные ставки налогов. Но, как подчеркнули в министерстве, это коснется и своих арендаторов, и приезжих из других регионов» [3].

В сентябре 2008 г. состоялась встреча министра сельского хозяйства РФ А. Гордеева с главой Калмыкии К. Илюмжиновым. Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов встретился с президентом РД М. Алиевым во время праздничных мероприятий восстановленного в Дагестане «Дня чабана». На встрече им было подчеркнуто, что «дагестанцы, живущие в Калмыкии, добросовестно выполняют свою работу. Об отношении народа и руководства Калмыкии к даге-

станцам, которые трудились и трудятся там, свидетельствует тот факт, что первым Героем Социалистического Труда в Калмыкии стал дагестанец» [17].

Важно отметить, что, в отличие от первых мигрантов, современные выходцы из Дагестана не только не стремятся ассимилироваться с местным населением, но настойчиво оберегают свою этническую и конфессиональную идентичность в новой среде, остро реагируя на любое проявление дискриминации. Как считают В. Томас, Р. Парк и их коллеги, главное противоречие в современном обществе лежит не в сфере национальности или религии, это противоречие – между культурой и невежеством [18]. Принимая во внимание наличие среди мигрантов людей с другим мировоззрением, уровнем культуры и образования, нам видится причина конфликтогенной обстановки несколько в иной плоскости. Объясняя относительно спокойный характер местного населения исповеданием им буддизма и православия (двух основных религий современной Калмыкии), исследователи упускают из поля зрения тот факт, что достаточно многочисленное мусульманское население Калмыкии, представленное преимущественно мигрантами из Дагестана, не объединено в соответствующую религиозную общину. Создание условий для комфортного исповедания ислама способствовало бы снижению градуса межрелигиозной и межэтнической нетерпимости в регионе. Напротив, в 2005 г. после конфликта между дагестанцами и калмыками в селе Яндыки Лиманского района Астраханской области была ликвидирована как незаконная постройка мечеть, построенная дагестанцами в Сарпинском районе. С трудом удалось предотвратить разрастание этого конфликта в более широкое межэтническое и межконфессиональное противостояние [19].

Подогревают ситуацию и публикации, и пропагандистские материалы в средствах массовой информации. С одной стороны, освещаются тесные экономические и социальные связи Калмыкии и Дагестана, с другой стороны – они интерпретируются как очередные шаги по закреплению в Калмыкии дагестанского, точнее, даргинского населения в ущерб интересам коренных калмыков.

Для решения проблемы было бы полезным учитывать вклад дагестанских животноводов в развитие отрасли, как в историческом прошлом, так и на перспективу. Дагестанские животноводы принимают активное участие в строительстве народного хозяйства Калмыкии, развитии малого бизнеса. В историческом прошлом трудовая миграция дагестанского населения позволила спасти овцеводство в Ставрополье и Калмыкии; сохранила определенную часть сельских поселений; сыграла важную роль в демографическом благополучии региона.

В связи с вышеизложенным, перед региональными органами управления Дагестана, Ставрополья и Калмыкии стоит важная и неотложная задача разработки и реализации программы сохранения межконфессионального и межэтнического согласия населения, проживающего за пределами ареалов традиционного расселения.

Литература

1. Аджиев, Я. Б. Этнотерминология, этнодемографическая, этноэкологическая ситуация в Ногайской степи (история и современность) // Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI в. : материалы Международной научно-практической конференции 2–4 ноября 2006 г. – СПб., 2007. С. 62–63.
2. Белозоров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005. С. 251.
3. Бондарев, С. Земли отправят на отдых // Российская газета. Юг России. 2008. № 4570.
4. Boud, M. Family and Personal Networks in International Migration : Recent Developments and New Agendas // International Migration Review. 1989. Vol. 23. No. 3. P. 642.
5. Белозоров, В. С. Указ. соч. С. 251.
6. Гунаев, Е. А. Народы Дагестана // Народы Калмыкии : историко-социологические очерки. – Элиста, 2011. С. 36.
7. Информация о сотрудничестве между Республикой Дагестан и Ставропольским краем Российской Федерации. 21.01.2017.
8. Курбанов, М.-З. Ю. Трудовая миграция как фактор межэтнической напряженности в Южном федеральном округе (на примере ставропольских даргинцев) // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатских-Кавказских чтений 2008–2009 гг. К 100-летию Леонида Ивановича Лаврова // Этнология, история, археология и культурология. СПб., 2009. С. 435.
9. Курбанов, М.-З. Ю. Миграции и проблемы межэтнической напряженности в Ставропольском крае // Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Махачкала 20–21 ноября 2008 года. Т. 1. – Махачкала, 2008. С. 265–266.
10. Migration Theory Taking across disciplines ; ed. by C. B. BretteII and J. F. Hollified. – New York and London : Routledge, 2000.

11. Национальный состав и владение языками, гражданство : итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. – Элиста, 2013. С. 4–9.
12. Постановление Совмина СССР от 28. 05. 1954 №1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда “Черные земли” и “Кизлярские пастбища”» // Законодательство России [Электронный ресурс]. – URL : <http://Russia.Bestpravo.ru/ussu/data/04/tex/16230.htm> (дата обращения 6.02.2019).
13. Полевой материал автора (PMA)2017. г. Будённовск.
14. PMA.2017 г. г.Ставрополь.
15. PMA.2017 г. Красный Маныч.
16. PMA 2017г. Нефтекумск.
17. Стальский, С. Где любовь и уважение – там счастье...// Меди Профиль. 2012. № 9.
18. Thomas, W. I., Park, R. E., Maier, H. A. Old word traits transplanted / Montclair. – N. J., 1971.
19. Степные танцы со стрельбой? // Черновик. 2007. 19 января. № 3. С. 25.
20. Умалатов, М.-Р. Народы Дагестана // Этномир Калмыкии : сб. статей и материалов ; дступ. ст. Р.Б. Дякиев. – Элиста, 2012. С. 4.
21. Ушанов, М. Кануково : точки кипения // Парламентский вестник Калмыкии. 2007 № 2.
22. Шахбанова, М. М. Миграции и особенности межэтнического общения в Республике Дагестан (конец XX – начало XXI в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 33.

References:

1. Adzhiev, YA. B. Etnoyazykovaya, etnodemograficheskaya, etnoekologicheskaya situaciya v Nogajskoj stepi (istoriya i sovremennost') // Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiya nogajskogo naroda v HKHI v. : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 2–4 noyabrya 2006 g. – SPb., 2007. S. 62–63.
2. Belozorov, V. S. Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza. – M., 2005. S. 251.
3. Bondarev, S. Zemli otpravlyat na otdyh // Rossijskaya gazeta. YUg Rossii. 2008. № 4570.
4. Boud, M. Family and Personal Networks in International Migration : Recent Developments and New Agendas // International Migration Review. 1989. Vol. 23. No. 3. P. 642.
5. Belozorov, V. S. Ukaz. soch. S. 251.
6. Gunaev, E. A. Narody Dagestana // Narody Kalmykii : istoriko-sociologicheskie ocherki. – Elista, 2011. S. 36.
7. Informaciya o sotrudnichestve mezhdru Respublikoj Dagestan i Stavro-pol'skim kraem Rossijskoj Federacii. 21.01.2017.
8. Kurbanov, M.-Z. YU. Trudovaya migraciya kak faktor mezhetnicheskoy napryazhennosti v YUzhnom federal'nom okruge (na primere stavropol'skih dargincev) // Lavrovskij sbornik. Materialy Sredneaziatskih-Kavkazskih chtenij 2008–2009 gg. K 100-letiyu Leonida Ivanovicha Lavrova // Etnologiya, istoriya, arheologiya i kul'turologiya. SPb., 2009. S. 435.
9. Kurbanov, M.-Z. YU. Migracii i problemy mezhetnicheskoy napryazhennosti v Stavropol'skom krae // Vsesoyuznaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual'nye problemy protivodejstviya nacional'nomu i politicheskomu ekstremizmu. Mahachkala 20–21 noyabrya 2008 goda. T. 1. – Mahachkala, 2008. S. 265–266.
10. Migration Theory Taking across disciplines ; ed. bu C. B. Brettell and J. F. Hollifield. – New York and London : Routledge, 2000.
11. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo : itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g. / Territorial'nyj organ federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Kalmykiya. – Elista, 2013. S. 4–9.
12. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 28. 05. 1954 №1023 «O zakreplenii za kolhozami zimnih pastbishch gosfonda “CHernye zemli” i “Kizlyarskie pastbishcha”» // Zakonodatel'stvo Rossii [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://Russia.Bestpravo.ru/ussu/data/04/tekh/16230.htm> (data obrashcheniya 6.02.2019).
13. Polevoj material avtora (PMA)2017. g. Budyonnovsk.
14. PMA.2017 g. g.Stavropol'.
15. PMA.2017 g. Krasnyj Manych.
16. PMA 2017g. Neftekumsk.
17. Stal'skij, S. Gde lyubov' i uvazhenie – tam schast'e...// Medi Profil'. 2012. № 9.
18. Thomas, W. I., Park, R. E., Maier, H. A. Old word traits transplanted / Montclair. – N. J., 1971.
19. Stepnye tancy so strel'boj? // CHernovik. 2007. 19 yanvary. № 3. S. 25.
20. Umalатов, М.-R. Народы Dagestana // Etnomir Kalmykii : sb. statej i materialov ; dstup. st. R.B. Dyakievo. – Elista, 2012. S. 4.
21. Ushanov, M. Kanukovo : tochki kipeniya // Parlamentskij vestnik Kalmykii. 2007 № 2.
22. SHahbanova, M. M. Migracii i osobennosti mezhetnicheskogo obshcheniya v Respublike Dagestan (konec HKH – nachalo HKHI v.) // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennyye nauki. 2009. № 3. S. 33.